О.В.Гладкова

ТЕМА УМА И РАЗУМА В «ПОВЕСТИ ОТ ЖИТИЯ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ»

(Об идейно-художественной структуре текста)[1]

«Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма достаточно часто привлекала внимание литературоведов[2], существует отдельное издание памятника, явившееся результатом обширных текстологических изысканий, проведенных Р.П.Дмитриевой[3]. Не забывают об этом интереснейшем произведении и новейшие исследователи[4]. Однако «Повесть», как нам представляется, остается все-таки одним из неразгаданных произведений древнерусской литературы.

В настоящей статье предполагается обратиться к следующим, с нашей точки зрения, недостаточно решенным на сегодня вопросам:

1) «Повесть» и фольклорные источники;
2) художественная структура (в первую очередь, система образов) и идейное содержание памятника;
3) жанр «Повести».

1) Стало традиционным, говоря о «Повести», в первую очередь, рассматривать столь явно проступающие в ней фольклорные мотивы. К этому, безусловно, располагает сам памятник, в основе которого лежат устные муромские предания (рассказывающие о событиях XII — начала XIII в.), опираясь на которые и писал Ермолай-Еразм. Подавляющее большинство работ, посвященных «Повести», анализирует ее именно с точки зрения фольклорных мотивов[5], иногда даже отказывая Ермолаю-Еразму в писательском даре и полагая, что поэтичность «Повести» обусловлена не мастерством писателя, а фольклорным материалом[6].

Попытку с другой стороны подойти к фольклорным мотивам в «Повести» представляет собой работа М.Б.Плюхановой, которая интерпретирует памятник как символическое утверждение Московского царства, являющегося в «Повести» как союз змееборца (Петр) с Премудростью (Феврония)[7].

Другое общее место при изучении «Повести» — устойчивое представление о том, что этот памятник посвящен «истории любви» Тристана и Изольды русского средневековья[8].

Обратимся к тексту.

Действительно, Ермолай-Еразм, писатель XVI в., создавал свое произведение о событиях XII — начала XIII в. по устным преданиям, но писал он не о сказочных персонажах, а о святых чудотворцах, не верить в существование которых он не мог, да и не имел оснований не верить; для Ермолая-Еразма эти предания представлялись исторически правдивыми, а не забавными историями, которые, в силу вымысла, могли допустить и авторскую правку в плане содержания. Ермолай-Еразм в данном случае не новатор в своем отношении к фольклору, а традиционалист: он вполне находится в русле мировой агиографической традиции (шире — всей средневековой христианской литературы), которая, используя фольклор[9] или литературный сюжет[10], относилась к ним как к исторически достоверному факту.

Фольклорные мотивы для Ермолая-Еразма не художественный прием создания «развлекательного» произведения, а историческая канва, перечень событий, которые нельзя изменить в угоду поэтической задаче. Их можно только интерпретировать, художественно подать, осмыслить. Что и делает Ермолай-Еразм.

2) «Повесть» состоит из вступления и четырех частей-новелл (при издании часто опускают вступление, лишая таким образом современного читателя ключа к памятнику). Вступление «Повести» рисует картину мира во времени и пространстве, куда в соответствии с житийным каноном Ермолай помещает своих святых. По содержанию вступление, как в целом и все произведение, перекликается с политическими и богословскими трактатами Ермолая («Книга о Троице», «Правительница» и др.). Картина мира, рисуемая Ермолаем, может быть, даже не во всем традиционно, представляется следующей: все начинается с Бога, но сам Бог безначален. Бог триедин и воспевается в Троице (Бог Отец, Слово Божее Сын и пресвятой и животворящий Дух). Бог — творец невидимого — ангелов, слуг своих, и уму человеческому эти творения недостижимы. Бог сотворил и видимое человеком солнце, луну, звезды — и создал человека от своего «трисолнечьнаго божества подобие», даровав ему «ум и слово и дух животен». **Ум** (как и Бог Отец) начальствует в человеке.

Человек — царь природы (Бог его «надо всем земным (то есть доступным уму.— О.Г.) существом царем постави»). Бог любит человека и хочет привести его в **«разум истинный»**. На земле родился Сын Божий, плотью — человек и одновременно Бог. Божественная его сущность, «без-страстие», необъяснима, но страдание Иисуса Христа — это страдание его человеческого естества.

Итак, утверждает Еразм, творения Божии познаваемы, а Творец нет. Он пострадал за людей своей плотью, выкупил человека у дьявола. И об этом искуплении апостол Павел сказал: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 23).

После Воскресения Христова Св.Дух сошел на апостолов, и они отправились нести людям свет веры.

Кто крестился, тот не должен отступать от веры и соблазняться красотами мира сего, но должен пострадать в этом мире подобно другим святым, **уподобившимся Христу**, — по-разному: и «в теснотах», «в трудех», «в разуме», «в долготерпении», «в любви нелицемерне», «в словеси истинне». Такие люди просвещают землю (т.е. помогают остальным прийти в «разум истинный»[11]) подобно тем, о ком идет речь, — Петре и Февронии, которые прославились «мужеством» и «смирением».

Итак, основная мысль вступления к «Повести», необычайно важная для понимания всего произведения, — утверждение представления о том, что Бог дал человеку ум (наряду со словом и душой), распорядиться которым, как известно по христианскому учению, — в свободной воле самого человека; Божественное же стремление — привести человека в «разум истинный» (что это такое в конкретном случае можно узнать в самой «Повести»). Человек настолько свободен, что даже воля других людей не должна его подчинять («не делайтесь рабами человеков»).

В начальном эпизоде новеллы три героя — жена Павла, которая не названа по имени, сам «благоверный» князь Павел и змей. Нетрудно заметить, что внимание автора сосредотачивается на женщине. В повествовании объясняется, что змей над ней «осили», т.е. все происходит вопреки ее желанию, она честно все рассказывает мужу, не скрывая от него ничего («жена же сего не таяше»), и это неоднократно подчеркивается; она во всем слушается Павла, принимая каждое его слово «в сердце»[12], вообще, описание ее действий так и пестрит трогательно-положительной лексикой: «добру», «верныя». Павел, кстати, лишен такого лексического окружения, но зато он учит свою жену, как ей поступить, и не забывает о духовном: «Аще ли увеси и нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его духания и сипения и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотворищи». Отношения Павла со своей женой начинают одну из центральных тем «Повести» — супружества, супружеской верности, которая продолжается затем описанием отношений Петра и Февронии. В этом плане «Повесть» для оригинальной древнерусской агиографии произведение новаторское. О супругах-святых рассказывала переводная литература (например, «Житие Галактиона и Епистимии», уже упоминавшееся «Житие

Евстафия Плакиды»), благочестивых супругов — родителей святого — описывали оригинальные памятники («Житие Сергия Радонежского» и др.), но в древнерусской агиографии, пожалуй, «Повесть» — первое житие, посвященное подвижничеству именно супружеской четы. В целом, поведение Павла и его жены соответствует предписаниям «Домостроя», разработавшего христианские положения о семейном укладе.

Заметим еще, что Павел, наставляя свою жену, говорит, что если она узнает тайну змея и поведает ее, то освободится от «неприязнивого» не только в нынешнем веке, но и в будущей жизни, а также заслужит милосердие высшего Судии (на Страшном Суде) Иисуса Христа. Чем же можно заслужить это милосердие на Страшном Суде? Ответ ясен — исполнением заповедей (в данном случае — в отношении жены к мужу).

Интересно, что змей (который является то ли самим дьяволом, то ли орудием дьявольским) поддается на столь незамысловатую женскую хитрость. Впрочем, хитрость эта — результат свободного исполнения Божественных заповедей, против чего, как известно, дьявол устоять не может (так в «Повести» интерпретируется фольклорный сюжет «о Кощее бессмертном»[13]).

От ответа змея Павел остается в **недоумении** («**недоумеяшеся**»[14]). Половина этой загадки разъяснилась вскоре — у Павла был брат Петр, который быстро понял, что именно ему предстоит убить змея («нача **мыслити не сумняся мужествене**»), однако загадка «Агрикова меча» осталась для него загадкой: «бяше в нем **мысль**, яко **не ведыи** Агрикова меча». Современные исследователи пытаются объяснить, кто такой «Агрик»[15]; на наш взгляд, закономерно, что Ермолай и не объяснил, но и не убрал из повествования «Агриков меч»: средневековый писатель не мог произвольно обращаться с ф а к т о м, даже если данный факт был ему неясен.

Следующие описания Петра обнаруживают в нем две добродетели: во-первых, «обычай ходити по церквам уединяяся», во-вторых, почтение к старшему брату: к нему и к своей снохе он приходит не иначе, как «на поклонение».

За городом, в женском монастыре Воздвижения честного и животворящего креста явился Петру некий отрок и показал в алтарной стене «межу керемидома скважню», где и находился искомый «Агриков меч».

Убиение змея потребовало от Петра известной **сообразительности**: Петр «**разуме** быти пронырьство лукаваго змия», который представлялся Павлом, и поэтому Петр должен был «твердо **уверися**», прежде чем убивать «неприязнивого», что перед ним не брат его родной, а змей.

С **Божьей помощью** Петр убил змея, но кровь «неприязнивого» попала на него, и Петр «острупе», т.е. покрылся струпьями.

Концовка первой части предполагает дальнейшее развитие событий: князь Петр стал искать исцеления у врачей, но ничего у него не выходило. Князь Петр отправился на поиски врачей в Рязанские земли. Так начинается вторая часть. Знаменательно, что более поздние редакторы, не поняв общего замысла Ермолая-Еразма, исправляли это место, вставляя объяснение столь неблаговидному для христианина делу Петра, как поиск врачей[16].

Основные герои второй части — Феврония, княжеский отрок (слуга) и сам князь Петр. Княжескому отроку, который первым видит Февронию, она кажется странной, непонятной, вызывает удивление («видение чюдно», «дивляшеся», «чюдеси»; «глаголы странны некаки»). Удивляется затем и князь Петр («дивлеся ответу ея»). Чему же так удивляются герои-мужчины? Женской, жизненной мудрости Февронии, особо проявляющейся там (что подчеркивает Ермолай), где они сами оказываются не то что не мудрыми, но откровенно непонимающими. Так, говоря о юноше, Ермолай постоянно фиксирует его реакцию: «**не вият во ум** глагол тех» (слов Февронии), «**не разуме** глагол ея», «сего **не вем**, что глаголеши», «ни единого слова от тебе **разумех**», «**не вемы**» и т.д.

Петр пытается пренебречь словами Февронии и обойтись собственным **умом**: «не брегии словеси ея, и **помысли**»; он пытается искусить ее и делает это во второй части дважды: давая ей заведомо невыполнимое задание и избегая женитьбы. Но Феврония, **по мудрости своей**, предвидя поворот событий, предупреждает заранее: «Аще будет мяхкосерд и смирен во ответех, да будет здрав». И с честью выходит из двух испытаний: ответив на княжеское задание столь же невыполнимой задачей и встретив увильнувшего было от женитьбы князя «нимало гневу подержав» (а могла бы и прогневаться, но в этой ситуации выбора Феврония следует, конечно, христианскому типу поведения). Оба мужчины приходят к одному и тому же выводу — что девица «**мудра** есть». Именно эту часть своей «Повести» имеет в виду Ермолай, когда говорит в заключительной похвале о «святых муж **мудрости**» (пока еще не разуме, а только мудрости), которая была у Февронии, прославляя также и ее дар исцеления.

Петр во второй части явно проигрывает Февронии в **уме**, его заслуга сводится к тому, что он, как говорит Ермолай-Еразм в похвале, «струпы... доблествене претерпел». Контраст в добродетелях явный: **ум** —— болезнь. Причем Ермолай, мастер точного, «указующего» слова (одна из особенностей стиля), здесь намеренно «перебарщивает»: слово «струпы» повторяется в одном предложении пять (!) раз, к пятикратному повтору присоединяется еще и слово «язвами».

Вторая часть удивительна многим. Во-первых, продолжающимся активным использованием фольклорных сюжетов: к сюжету о змее-

борце (1 часть) прибавляется сюжет о мудрой деве. Во-вторых, тем новым взглядом на мир и человека, который отразился у Ермолая-Еразма.

Ермолай-Еразм пишет Житие в соответствии с каноном, объект изображения любого жития — подвиг веры, назначение жития — дать образец христианской жизни[17]. Но вторая часть рассказывает о том, какой «виною бысть Феврония княгини»: из-за своей мудрости (нет обычной для жития мотивации Провидением). Таким образом, Житие, написанное в XVI в., отличается признанием большего «самовластия» (т.е. свободы воли человека), чем раньше. XVI в. начинает признавать прямые причинно-следственные связи между явлениями, не объясняя все вмешательством только Божественной воли[18]. Мудрость Февронии, дар целительства понимаются — более, чем раньше, — одновременно как личные качества, данные Богом, но распоряжаться которыми должен сам человек, — и в этом гуманизм Ермолая-Еразма. Человек — творение Божие, и «ум», как говорил Ермолай-Еразм вначале, «слово» (речь) изначально ему присущи, они неизбежно обнаруживают себя. «Ум и слово и дух животен» — дар Божий.

В конце второй части Ермолай указывает (в соответствии с каноном), что Петр и Феврония в супружестве «живяста во всяком благочестии, ничто же от Божиих заповедей оставляюще». И в этом их дальнейшее д в и ж е н и е к «разуму истинному». Это еще одна удивительная сторона «Повести» и ее автора — изображение, пусть на «наивно-прагматическом» уровне, п р о ц е с с а; преодоление статики агиографии, где обычно святой одинаков в начале и конце. Впрочем, надо заметить, что жанр жития изначально расположен был в процессе изложения «агиобиографии» к открытию изменений, происходящих с человеком на протяжении его жизни[19] .

Только с третьей части Петр и Феврония начинают определяться как «блаженные», они действительно становятся ближе к Богу. Бог прославляет Февронию «добраго ради житиа ея».

Третья часть — поединок Петра и Февронии с боярами. Князь Петр после смерти брата «стал самодержцем в городе своем». Жены боярские невзлюбили Февронию из-за ее происхождения и настраивали мужей своих против нее. Сама Божественная воля вмешалась в спор. Как-то раз князю Петру наговорили на Февронию, которая была замечена в привычке бедности: после трапезы она имела обыкновение собирать крошки в руку («яко гладна» — говорили недоброжелатели). Князь Петр, поддавшись наговору, решил испытать жену за трапезой. Феврония и на сей раз не изменила своей привычке — собрала крошки но свершилось чудо: князь Петр, разжав ее руку, обнаружил вместо крошек благовония — ладан и фимиам. «И от того дни остави ю к тому не искушати». Заповедь «Не суди» — вот идея этого эпизода. По Ермо-

лаю-Еразму, заповедь «Не суди» дает человеку право остаться самим собой. Рассказ о Февронии, держащей в разжатой руке библейские ароматы, — это подчеркивание нелепости сословных предрассудков и осуждение сословно-бытовой ограниченности.

Чванливые бояре не могли успокоиться, они потребовали, чтобы Феврония, «ввем богатество довольно себе», ушла «амо же хощет».

В тот момент, когда бояре «отдавали» Петра Февронии, каждый из них сам мечтал занять его место и стать самодержцем. А князь Петр не нарушил Божии заповеди ради царствования в земной жизни и не отказался от Февронии.

В то же время Ермолай-Еразм показывает и другую ипостась женщины, может быть, более традиционную для средневековья, — немаловажную роль в «Повести» играют не только «добрые» жены (жена Павла и Феврония), но и жены «злые»: бояре, придя жаловаться Петру на Февронию, мотивируют свою жалобу: «жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея».

Ермолай-Еразм, известный противник боярства, не пожалел для него черных красок. Свою затею бояре осуществили на бесстыдном пиру, опьянев, ведя «безстудные своя гласы, аки пси лающе» (Ермолай осуждал пиры «с их расточительством, обжорством и пьянством», и не случайно эта сцена разворачивается именно на пиру[20]). Неприязнь автора к боярам проявилась не только в большом количестве отрицательных определений бояр (чаще всего встречается слово «яростные», а также: «злые», «неистовые», «наполнившиеся безстудством», «злочестивии» и т.д.), не только в демонстрации того, как бояре мешают и вредят власти князя, правящего по заповедям, но и в том, что — последнее дело — бояре в делах государственных слушают своих глупых и злых жен. Глупые бояре (неразумные в уме и сердце) требуют от Петра, чтобы все было по чину (вечная русская тема, так воспетая Гоголем). Они толкают Петра на искушение Февронии и сами искушают ее в мудрости. «Враг бо наполни их мыслей» (религиозно-символическая мотивировка), они «не ведуще будущаго». Феврония же побеждает их своей **мудростью**.

Но с отплытием супружеской четы начинается бедствие для царства: «кииждо бо от боляр **во уме** своем држаще, яко сам хощет самодержец быти», и, в конце концов, к ним приходит **прозрение**: они просят Петра вернуться, потому что они «погибоша» и «сами ся изгубиша». Вряд ли осознали свою глупость «злые жены»: Ермолай ничего не говорит об этом, зато разумное решение вернуть Петра бояре принимают сами.

Еще об одном «злом помысле» (здесь «от лукаваго беса») рассказывается в следующем эпизоде, действие которого происходит на судне. Прелюбодеяние — грех, который не захотел совершить Петр, послушайся он бояр, грех, который на судне не совершила и

Феврония, не поддавшись мыслям чужого мужа, грех, который она не позволила совершить и своему попутчику. Но, по Ермолаю-Еразму, получается еще и так, что совершить этот грех — значит нарушить равенство, равновесие (все жены равны, пожалуй, и люди тоже). Эпизод на судне, следующий после боярского пира, подтверждает не только глупость бояр (они действуют, «не ведуще будущаго» причем можно понять, что под «будущим» разумеется не только то, что произойдет в ближайший момент, но и то, что ждет их в жизни вечной), но и — в очередной раз — мудрость Февронии, и демократизм Ермолая-Еразма. Сам автор называет здесь Февронию «предивной». Феврония «**разумев** злый помысл», а человек увидел, что у нее есть «**прозрения** дар». Впрямую о даре прозрения, т.е. особом даре от Бога, который выше человеческой мудрости, именно здесь, во вставном полурассказе-полупритче с мировым сюжетом, появление которого, на первый взгляд, не очень мотивировано[21], в «Повести» говорится впервые.

Далее, утешая Петра, потерявшего царство и родной дом, Феврония произносит, в частности, фразу, очень значимую в контексте «Повести» и перекликающуюся с некоторыми мыслями, высказанными Ермолаем во вступлении: «милостивый Бог, творец и промысленик всему, не оставит нас в нищете быти!» Характерно, что рассуждение о Боге, «промысленике всему», вложены именно в уста Февронии — она ближе к Богу, чем Петр.

Следующее чудо, которое совершает Феврония, можно назвать «экологическим». Повар, готовивший ужин на берегу, срубил молодые деревца. Увидев это, Феврония благословила их и сказала, что утром они будут большими деревьями[22]. Так и случилось.

Это чудо жизни, гуманное и бескорыстное: никакой материальной пользы оно никому не приносит, в отличие от предыдущих чудес, это не излечение больного князя, это не свидетельство Божее, оправдывающее Февронию (ладан и фимиам), это даже не евангельские пять хлебов, которыми Христос накормил (физически или духовно) голодных. За чудом с деревцами и подтверждение ранее сказанного Ермолаем, что человек — царь «над всем, что существует на земле», и сострадание к юности природы, попираемой человеком, и уже знакомая читателю «Повести» неприязнь к нарушению равновесия в мире.

Только Февронии дано творить чудеса по собственному благословению (главный подвиг Петра — победа над змеем — свершился «с Божиею помощью» (первая часть), «властью от Бога» (похвала)). Тем самым она, как уже говорилось, ближе к Богу.

И как в природе восстанавливается равновесие, так оно должно восстановиться в царстве — с уходом князя Петра начинаются боярские усобицы, кровопролитие. «Вельможи из Мурома» пришли молить Петра вернуться в город, чтобы прекратилась «распря». Петр и

Феврония возвращаются и правят, «соблюдая все заповеди», — «беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника».

Четвертая часть повествует о кончине святых и посмертных чудесах. Петр и Феврония незадолго до кончины приняли монашество, сделали «вь едином камени два гроба, едину токмо преграду имуще межу собою». Первым приближение смерти почувствовал князь Петр, Феврония вышивала в это время «воздух» (покрывало для церковных сосудов). Дважды посылал к ней Петр, но Феврония не хотела прерывать работу. На третий раз Петр прислал сказать, что ждать больше не может. Тогда Феврония, не окончив работу, ответила, что умирает вместе с ним.

Предыдущие исследователи видели в этом эпизоде ситуацию жесткого выбора: или благочестивый труд, создание материального, пусть даже и для церкви, — или супружеская верность. Все обращали внимание на трогательную бытовую деталь[23]: нить, обмотанную Февронией вокруг иглы как знак окончания работы. Нам эта ситуация представляется более тонкой, более компромиссной — ведь Феврония не просто бросила работу, она успела дошить лица святых (Ермолай-Еразм — «мастер детали»!), т.е. успела-таки сделать главное.

«Повесть от жития Петра и Февронии» есть прославление супружеской верности как христианской добродетели, как особых духовно-значимых отношений между мужем и женой. Посмертное чудо — подтверждение тому. Смерть частично возвращает действие туда, откуда оно началось, к загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста, — там поставили гроб с телом Февронии. Именно в том месте, где Петр нашел «Агриков меч». Невольно напрашивается параллель (Феврония — меч), и начинается более или менее обоснованный домысел: была ли эта параллель у Ермолая-Еразма или она случайна? Как меч освободил жену Павла от «неприязнивого» змея, так Феврония освободила Петра от болезни, от душевных сомнений, а тело ее после смерти, вместе с телом супруга, обретет дар исцеления.

Люди решили похоронить их отдельно, но всякий раз тела оказывались в том самом гробе из одного камня («...и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще», — говорится в заключительной похвале). Этих людей автор называет «неразумнии»: они не поняли божественного предопределения, по которому супруги и должны были быть похоронены вместе. Обнаружив тела Петра и Февронии опять «вь одном гробе», «людие» «не смеяху прикоснутися святем их телесем».

О христианском подвиге Петра и Февронии еще раз говорит Ермолай-Еразм в конце «Повести», в похвале. Автор соблюдает строгую поочередность, но начинает с Петра, которого восхваляет за победу над змеем, за терпение в болезнях, за то, что ради

соблюдения заповедей не оставил свою супругу, не предпочел ее земной власти. Февронию Ермолай прославляет за то, что имела мудрость мужей святых в женской голове, за то, что был у нее от Бога дар целительства, за то, что сотворила чудо с деревьями. В общей похвале святым Ермолай отмечает две добродетели — смиренное княжение и дар исцеления, дарованный им после смерти.

Итак, можно сказать, что основной темой «Повести» является не тема любви (о которой не говорится), не тема супружеской верности (о которой говорится достаточно и которая сплетается с главной), не тема царства, княжеской власти и боярства, а поразительно изящно разработанная, одна, кстати, из центральных для всей русской классической литературы — **тема ума**. В системе образов «Повести» (*которую в основном мы и рассматривали*) тема ума — обобщим сказанное — выглядит так:

Изначально Бог дал человеку «ум и слово и дух животен», т.е. «ум, речь и душу»[24]. Слово «ум» имеет здесь терминологическое, догматическое значение — это некая изначальная способность к мышлению, причем способность нравственного порядка. Человек свободен распоряжаться тем, что дал ему Бог, но дела Божии, Божественный Промысел, собственная судьба уму недоступны. «Герои» Ермолая-Еразма делятся на четкие группы по своему отношению к «разуму». В безнадежной тьме глупости пребывает дьявол («змий неприязнивый») и орудие против него у человека — исполнение Божественных заповедей (жена Павла). Исполняя заповеди, можно надеяться на милость (но не более) Высшего Судии на Страшном Суде. Глупы, злы, неисправимы жены боярские. Совершают глупость — нарушают заповеди — не только бояре (которые настолько глупы, что слушаются своих жен и в итоге допускают распрю в Муроме), но и сам Петр (когда он не хочет жениться на Февронии или искушает ее, слушая наветы глупых людей). Другие — пытаются нарушить заповеди («человек в судне»), но рядом оказывается отмеченный свыше человек (Феврония), и этого не происходит. Люди могут исполнять заповеди, но не понимать Промысел Божий (сам Петр, «людие»).

Петр и Феврония от ума, данного всем людям изначально Богом, поднимаются до «разума истинного», т.е. до понимания «Промысла Божьего», они даются Богом «на просвещение и на спасение граду тому», а «промысленик всему», т.е. высший разум,— Бог. Ермолай-Еразм и себя помещает в обрисованную им структуру «ум — разум»: пока автор находится в пути — «трудится **мыслями**».

Поражает в «Повести» то, что Ермолай отводит значительнейшее место в своей структуре уму земному, житейскому, человеческой мудрости. Житейским «недомыслием», проявляющимся в некоторых эпизодах, наделены трое (все, кстати, мужчины); князь

Павел, не понимающий слов змея; князь Петр, не ведающий многого (например, что такое «Агриков меч») и проигрывающий в поединке с Февронией; княжеский отрок, который не смог отгадать речей главной героини.

Земному, житейскому недомыслию противопоставлена земная мудрость. И здесь пальму первенства гуманист Ермолай отдает женщине. Начинает женскую тему «Повести» жена Павла, а продолжает, являя собой высшую земную мудрость, — Феврония. Нетрудно заметить, что вскоре «дольнее» и «горнее» соединяются. Но от земной мудрости к «**разуму истинному**» ближе, чем от земной глупости и недомыслия: Петр и Феврония поднимаются к «истинному разуму» с разных ступеней, поэтому и деяния, подвиги их неравноценны — лишь Февронии (а не Петру) дано совершить чудо «своим благословением».

3) Говоря о жанре «Повести», о нарушении агиографического канона, исследователи обычно приводят два доказательства: использование фольклорных мотивов и отказ митрополита Макария включать «Повесть» в ВМЧ. На первом вопросе мы уже останавливались, сосредоточимся на втором.

Как уже говорилось, основным жанровым признаком жития является изображение подвига веры (это объект повествования как жанровый признак). Именно этому и посвящена «Повесть». Но сочинение Ермолая-Еразма — житие новаторское, принадлежащее XVI в., воспевающее человека, его земную мудрость, ставящее очень высоко женщину[25]. Думается, что именно этой смелой трактовки и не принял Макарий, как не приняли (или не поняли) замысел Ермолая-Еразма многие позднейшие редакторы-переписчики «Повести», пытавшиеся «исправлять», а по сути, искажать поразительный, поэтический, тонкий и умный памятник еще одного русского писателя, видимо, не оцененного в полной мере при жизни[26].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первоначальный вариант настоящей статьи был опубликован в 1996 г. (Гладкова О.В. Тема ума в «Повести от жития Петра и Февронии» XVI в. (идейно-художественная структура текста) // Четвертые Макариевские чтения. 5–7 июня 1996 г. Почитание святых на Руси. Можайск, 1996. Вып. IV. Ч. II. С. 188–199). Некоторые ее положения содержатся также в нашей статье: «Возлюбих бо разум ea и благочестие»: Тема любви в «Повести о Петре и Февронии» и других произведениях древнерусской литературы // Литература. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». № 39/октябрь 1996. С. 11–12.

[2] Основную библиографию «Повести» см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 224–225.

3 Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. Текст «Повести» в статье цитируется по указанному изданию.

4 Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 203–236.

5 Назовем здесь хотя бы одну из основополагающих работ в этом направлении: Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. М.—Л., 1949. Т. 7. С. 131–167.

6 Демин А.С. «Имение»: социально-имущественные темы древнерусской литературы // Древнерусская литература: Изображение общества. М., 1991. С. 38; Одесский М.П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 163.

7 В этом случае остается вопрос, опять же традиционно возникающий в связи с «Повестью», — почему же тогда всероссийский митрополит Макарий не включил ее в Великие Минеи Четии? Кроме того, не противоречит ли местное почитание муромской княжеской четы «всероссийской» идее, которую она, с точки зрения М.Б.Плюхановой, олицетворяет?

Безусловно, соглашаешься с исследовательницей в том, что «Повесть» могли так воспринимать и истолковывать современники, но насколько интерпретация М.Б.Плюхановой совпадает с авторским замыслом,— не ясно.

8 Краткий обзор работ, посвященных изучению параллелей «Повести» с западноевропейскими произведениями, см.: Дмитриев Л.А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII–XV в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 260–261.

9 См., например, «Житие Георгия Победоносца» («Чудо Георгия о змие и о девице»); «Мучение семи отроков ефесских».

10 См., например, «Житие Евстафия Плакиды».

11 Мотив обретения «разума истинного», то есть понимания Божественного Промысла, — один из центральных в христианской литературе. Ср., к примеру: «Он же (иерей Иоанн.— О.Г.) прославль г(оспод)а І(ису)с(а) Х(рист)а. Хотящаго всякаго ч(е)л(о)в(е)ка сп(ас)ти и в разоум истинныи привести» («Житие Евстафия Плакиды», цит. по рукописи XV в. (РГБ, ф. 304, № 666). Этот мотив, в частности, ярко выражен в «Повести о Варлааме и Иоасафе», в «Житии Марии Египетской» и множестве других произведений.

12 О восприятии «в сердце» Ермолай пишет только применительно к жене Павла, сам Павел более «рационален».

13 Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 231.

14 В статье мы сознательно выделяем ключевые для «Повести» слова, связанные с темой «ума — разума», чтобы показать лексическое разнообразие произведения и одновременно точность авторского выбора слова, отражающие тщательную разработанность темы.

15 Скрипиль. С. 161.

16 См. текст Второй редакции (вариант с подзаголовками): Дмитриева. С. 254.

[17] Об объекте изображения и о назначении как жанровом признаке в древнерусской литературе см.: Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 32 и др.

[18] Прокофьев Н.И. К литературной эволюции весеннего пейзажа (Кирилл Туровский, И.М.Катырев-Ростовский и В.К.Тредиаковский) // Новые черты в русской литературе и искусстве. М., 1976. С. 233.

[19] Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Он же. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 191.

[20] Плюханова. С. 230.

[21] См., например: Дмитриева. С. 26–28.

[22] Характерна антитеза в описании чуда, подчеркнутая дважды: молодые деревца выросли за ночь в большие деревья с ветвями и листьями.

[23] Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958. С. 106.

[24] Приходится не соглашаться с другими вариантами перевода («разум, речь и душу»): Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 627 (пер. Л.А.Дмитриева).

[25] Когда настоящая статья уже находилась в печати, нам стала известна статья Н.С.Демковой (см.: Демкова Н.С. К интерпретации «Повести о Петре и Февронии»: «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма как притча // Она же. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 77–95). Сожалеем, что этого не случилось ранее. Работа Н.С.Демковой насыщена тонкими филологическими наблюдениями над текстом «Повести», с многими из которых можно согласиться (в первую очередь, к примеру, с утверждением о «софийности» Февронии). В то же время представляется спорным вывод исследовательницы о жанровой природе «Повести» («авторская литературная притча» — с. 90) и о центральной роли фигуры Петра. Нам кажется, что наличие так называемого иносказания, о котором говорит Н.С.Демкова как об основном признаке жанра притчи, на самом деле имеет другую природу. Это символическая прообразность жития, которая изначально была присуща жанру и трансформировалась так или иначе в зависимости от времени создания агиографического памятника и от того, как сам автор-агиограф понимал ее, как понимал «идеальную правду» (Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996. С. 174) о святом и как художественно выражал ее.

Что касается фигуры Петра в «Повести», то, безусловно, это наиболее мятущийся «герой», однако при том, что он появляется в произведении раньше Февронии, ей уделено никак не меньше внимания, кроме того, она более отмеченна свыше, чем Петр (см. нашу интерпретацию эпизода чуда с деревьями).

[26] См. «Моление к царю» Ермолая-Еразма (Дмитриева. С. 327–328).